

А. И. ДОВАТУР

АРИСТОТЕЛЬ И МАКЕДОНИЯ*

Четвертый век до нашей эры квалифицируется в современной науке как век большого социально-экономического кризиса греческих полисов, который сказывается в резком расслоении граждан с концентрацией богатства на одном социальном полюсе и разорением — на другом; прочие симптомы кризиса близко связаны с отмеченным явлением; это — возрастание количества рабов, абсолютного и относительного, усиление классового антагонизма, развитие наемничества. Обо всем этом мы узнаем из имеющихся у нас источников. Находившийся в состоянии кризиса мир греческих полисов искал выход в том, чтобы опереться на более сильное государственное образование. Таким был ближайший сосед греков — Македония, находившаяся в состоянии подъема. Проблема отношения с Македонией лежала на поверхности исторической жизни.

Граждане греческих полисов занимали неодинаковую позицию по отношению к северному соседу и его энергичным правителям — царям — сначала Филиппу, затем Александру. В исторической литературе принято говорить о македонской и антимакедонской партиях среди греков или — более точно — о македонской и антимакедонской группировках. Первая шла навстречу стремлениям македонской политики,

вторая противилась им. Яснее всего для нас положение в Афинах. Виднейшие политические ораторы Демосфен и Гиперид возглавляли антимакедонское движение, к ним примыкал политический деятель Ликург. Их противниками были видные ораторы — Эсхин и Демад, крупный политический деятель Эвбул и стратег Фокион. Выразителем взглядов этой группы был и известный оратор Исократ.

Эта вторая группировка считала безнадежным делом борьбу с Македонией. И до, и тем более после Херонейской битвы входившие в состав этой группы деятели были уверены в превосходстве Македонии над греками.

Убеждения такого рода очень ярко отразились в одной реплике Демада и одной Фокиона. Демад, отличавшийся стихийным красноречием и не стеснявшийся в выражениях, уподобил современные ему Афины старушке, обутой в сандали и поедающей свою ячменную кашку: οὐ τὴν ἐπὶ τῶν προγόνων τὴν καύμαχον, ἀλλὰ γράβν σανδάλια ὑποδεδεμένην καὶ πτισάνην βοφοῦσαν 'я застал <полис> не морской властительницей, каким он был при предках, но старушкой, обутой в сандали и поглощающей ячменную кашку'.¹ То же, но уже без всяких иносказаний, а в виде прямого указания на беды современности, высказал и Фокион перед началом Ламийской войны, когда он занимал должность стратега, а Гиперид, недовольный промедлением, спросил его, чего же он ждет. Фокион ответил: ὅταν... τοὺς μὲν νέους ἴδω τὴν τάξιν βουλομένους φυλάττειν, τοὺς δὲ πλουσίους εἰσφέρειν, τοὺς δὲ ῥήτορας ἀπέχεσθαι τοῦ κλέπτειν τὰ δημόσια (Plut. Phoc. 23,3) 'когда увижу, что юноши захотят занять место в строю, богачи пожелают платить налоги, а ораторы не красть государственные деньги'.² Фокион имел в виду индифферентность афинских граждан к государственным делам: наемная армия заменила собой прежнюю гражданскую, уклонение от уплаты податей стало общим правилом, корыстолюбие государственных деятелей стало явным. При таком положении дел сопротивление македонскому царю могло казаться безрезультатным.

Точку зрения противной группировки мы узнаем главным образом из речей Демосфена, который непрестанно побуждал своих сограждан к действиям. Успехи Филиппа объясняются тем, что он действует военными средствами и обманом, тогда

как афиняне инертны и легко поддаются обману (X, 7—10, 28, 46—59; XIX, 40, 42—44, 53—77, 87, 151, 224, 262, 271, 305, 320), в греческих полисах помогают врагу подкупленные им предатели (XIX, 167, 168, 259, 267, 300, 329), подчеркивается, что македоняне и их царь — варвары (XIX, 327)³. Своим попустительством афиняне помогли Филиппу стать более могущественным, чем когда-либо какой-либо другой македонский царь: ἠϋξήσαμεν... Φίλιππον ἡμεῖς καὶ κατεστήσαμεν τῆλικούτων, ἠλικός οὐδεὶς πῶ βασιλεὺς γέγονε Μακεδονίας (I, 9).

Спрашивается, какой была позиция Аристотеля? Прямых свидетельств по этому поводу мы не имеем. Следует обратиться к известным нам фактам и свидетельствам косвенного порядка.

Биография Аристотеля сложилась таким образом, что он вырос вне полисных традиций. Сын Никомаха, придворного врача македонского царя Аминты II, он долгое время жил в Македонии. Правда, родиной Аристотеля был греческий город ионийского происхождения на Халкидикке — Стагира, разрушенная македонянами, потом по ходатайству Аристотеля восстановленная ими. Однако мы ничего не слышим о каком-нибудь длительном пребывании Аристотеля в Стагире и тем более о какой-нибудь его деятельности в этом городе. Что же касается Афин, то, хотя Аристотель жил там много лет — сначала в качестве ученика Академии (367—347 гг.), затем в качестве руководителя Ликеея (335—323 гг.), хотя и стал там афинянином по культуре, — все же гражданином Афин он никогда не был.

Известно, что Аристотель был в течение семи лет (342—335 гг.) воспитателем будущего царя Александра, что близкий к македонскому царскому дому Антипатр был другом Аристотеля. Аристотель не прерывал сношений с Александром даже во время его похода на Восток.

Усилившиеся после смерти Александра антимакедонские настроения в Афинах отразились на судьбе философа. Он вынужден был покинуть Афины и удалиться на Эвбею. При этом он сказал, что хочет предотвратить повторное преступление Афин против философии, намекая на участь Сократа.⁴ После этого поиски отражений промакедонских взглядов в сочинениях Аристотеля не могут показаться удивительными.

Согласно Демосфену, Филипп уже потому, что он царь и тиран, враждебен свободе и законам: βασιλεὺς γὰρ καὶ τύραννος ἅπας ἐχθρὸς ἐλευθερίᾳ καὶ νόμοις ἐναντίος (VI,25). Мы слышим здесь голос гражданина греческого полиса, не допускающего добрых отношений между царем и благоустроенными законами греческим полисом. Мог ли разделить подобный взгляд Аристотель? Прежде всего царь и тиран для Аристотеля — одно и то же. Царская власть — один из правильных образов правления, тирания — ее извращение (Polit. I,9,1,1284b 35 sqq.); тирания — наихудший образец правления (Polit. IV, 2,2,1289b 2).

Далее, реальный греческий полис отнюдь не представляется Аристотелю обязательно местом, где властвуют законы. Как известно, демократия вообще, в частности афинская, является, по Аристотелю, неправильной формой государственного устройства (Polit. III,5,5,1279b 19sqq.; 14, 1281a 14sqq.; IV,2,1,1289a 28sq.). Характеризуя афинский строй своего времени, Аристотель в «Афинской Политии» говорит, что демос стал владыкой всего и всем управляет путём постановлений и судов, в которых он господствует: πάντων γὰρ αὐτὸς αὐτὸν πεποιήκειν ὁ δῆμος κύριον καὶ πάντα διοικεῖται ψηφισμασιν καὶ δικαστηρίοις, ἐν οἷς ὁ δῆμος ἐστὶν ὁ κρατὼν (41,2). В «Политике» речь идет о том, что главенствующие греческие полисы управляются либо демократически, либо олигархически и навязывают другим полисам свой собственный политический строй (IV,9,10,1296a 22sqq.). Одно место из «Политики», часто обсуждавшееся, открывает нам взгляды Аристотеля на перспективы, вытекающие, по его мнению, из наступающей эпохи македонского главенства в Греции.

О «среднем» государственном строе, условно наилучшем, реально возможном, Аристотель сообщает, что его согласился ввести «один муж»: εἷς γὰρ ἀνὴρ συνέλεισθη μόνος τῶν πρότερον ἐφ' ἡγεμονίᾳ γενομένων ταύτην ἀποδοῦναι τὴν τάξιν (IV,9,11,1296a 38sqq.). Филологическим разбором этого места мы здесь заниматься не будем. Он был уже дважды опубликован.⁵ Сущность предложенного объяснения сводится к тому, что выражение «τῶν πρότερον ἐφ' ἡγεμονίᾳ γενομένων» является не genetivus partitivus, а genetivus separationis. При таком толковании (наряду с некоторыми другими соображениями)

оказывается, что слова «один муж» относятся не к одному из деятелей прошлого, а к единственному в противоположность к прошлым; он не сам пришел к убеждению, не сам решился, а дал себя убедить. Если так, то отпадают все высказанные до сих пор предположения о «единственном муже». Остается только Александр Македонский, который противопоставляется деятелям прошлого и осуществляет главенство над Грецией. О нем, правда, думал Эд. Целлер в первых изданиях своего труда.⁶ Однако затем, начиная с 3-го издания, он отказывается от этого мнения, как будто бы противоречащего тексту, и выдвигает кандидатуру Эпаминонда.⁷ Предложенная нами интерпретация слов Аристотеля устраняет сомнения Эд. Целлера: соображения языкового порядка говорят не против, а в пользу Александра Македонского. Можно не соглашаться с дальнейшими далеко идущими выводами о тесной связи учения Аристотеля об идеальном государственном строе с политикой Александра на Востоке (эти выводы являются не более чем гипотезой), но предложенное нами объяснение слов о «единственном муже» требует либо безоговорочного согласия, либо опровержения солидными аргументами языкового порядка.

Аристотель ждет от своего царственного ученика упорядочения строя греческих государств в сторону дарования им «правильного» «среднего государственного устройства». В какой степени надежды философа оправдались и оправдались ли вообще, входили ли соответствующие меры в намерения Александра — другой вопрос. Для нас здесь важно то, что такие надежды у Аристотеля были.

Аристотель не был ни платным агентом Македонии (подобно Демаду и, возможно, Эсхину), ни практическим государственным деятелем, напуганным могуществом македонского царя (подобно Фокиону и Эвбулу), но он был современником и в известной мере очевидцем возрастания мощи македонского царства и свидетелем кипучей деятельности двух царей, а это в достаточной степени объясняет нам осторожную и дальновидную позицию теоретика, не предусматривавшего ничего хорошего от политической линии Демосфена и Гиперида.

Однако политическое учение Аристотеля и его взгляды на современное состояние полисов объективно шло навстречу македонской политике. Вынужденный отъезд из Афин показывает, что его позиция была ясна современникам: метэк македонской ориентации должен был покинуть Афины в момент обострения отношений Афинского государства с Македонией.

Примсчания

¹ Demetrius, *περί ἑρμηνείας* 285 (см: Blass F. *Die attische Beredsamkeit*. Tl.III, 2: 2 Aufl. Leipzig, 1898. S.277).

² Croiset A. *Histoire de la littérature grecque*. Vol.IV. Paris, 1900. P.639 suiv.

³ См. также: Кошелев Г. А. *Греческий полис на эллинистическом Востоке*. М., 1979. С.206.

⁴ *Ὁ συνχωρήσω Ἀθηναίους δις ἀμαρτεῖν εἰς φιλοσοφίαν* (Vita Marciana 184—191 Gigon=Aristotelis Privatorum scriptorum fragmenta / Ed. M.Plezia. Lipsiae, 1977. Epistulae. Fr.11a).

⁵ Доватур А.И. «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.: Л., 1965. С.46 сл.; Dowatur A. *Aristoteles. Politik*. IV, 11, 1296a 38—40: Versuch einer neuen Interpretation // *Philologus*. 1972. Bd 116, Hft 2. S.309—311.

⁶ Zeller Ed. *Die Philosophie der Griechen*. Tl.II. Tübingen, 1846. S.539, Anm.3.

⁷ Zeller Ed. *Die Philosophie der Griechen*. Tl.II. Abt.2: 3 Aufl. Leipzig, 1879. S.747. Anm.5; 4 Aufl. Leipzig, 1921. S.747. Anm.5; см. также: Доватур А.И. «Политика» и «Политии» Аристотеля. С.338, прим.20.